

УДК 9:323.15

В. Е. Козляков, доктор исторических наук, профессор (БГТУ)**ИСТОКИ И СУЩНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНО-ПЕРСОНАЛЬНОГО АВТОНОМИЗМА**

В статье раскрываются истоки и сущность национально-персонального автономизма. Автор подчеркивает, что идеи данной программы были высказаны задолго до появления известных работ К. Реннера, О. Бауэра и связаны с традициями греческих, еврейских, финикийских общин в древневосточных и античных цивилизациях. Доказывается, что непосредственным прообразом национально-персональной автономии являются ваады – центральные советы еврейских кагалов, существовавшие в Польше, Литве и Беларуси в XVI–XVIII вв.

The origins and essence of people's personal autonomism are developed in the article. The author emphasizes that the ideas of this program had been made long before the famous studies of K. Renner and O. Braner which related to the traditions of Greek, Jewish, Phoenician and ancient civilizations. It is proved that vaady are direct prototype of the national personal autonomy. They have existed in Poland, Lithuania and Belarus in the XVI–XVIII centuries as central Councils of Jewish kagals.

Введение. Решение современных проблем национальных общностей, проживающих дисперсно, все чаще связывают с предоставлением национально-персональной автономии. Как правило, истоки подобной программы усматривают в идеях австрийских социал-демократов К. Реннера и О. Бауэра, сформулированных еще в начале XX в.

Однако, как показывает анализ, подобные идеи не являлись «кабинетной выдумкой» известных австро-марксистов, имевших, правда, право претендовать на роль «первопроходцев» в теоретическом и правовом ее обосновании. Известный польский теоретик Л. Кульчицкий (Мазовецкий) в свое время писал, что принцип экстерриториальной национальной автономии он впервые сформулировал, «не будучи знаком с трудом Р. Шпрингера (К. Реннера), в лекциях о сущности нации, организованными в Кракове Народным университетом имени А. Мицкевича». Экстерриториальную автономию автор рассматривал в качестве возможного дополнения к автономии территориальной [1, с. 128]. Известный еврейский теоретик М. Лазерсон также указывал, что задолго «до Шпрингера выдвигалась необходимость отстаивания персонального принципа» [2, с. 25–26].

Многие авторы признавали, что подобные идеи, в свою очередь, связаны с традициями греческих, еврейских, финикийских и других этнических общин в древневосточных и античных цивилизациях. Но наиболее подробно принцип национально-персонального автономизма был проработан еврейскими теоретиками. «Еврейская энциклопедия», изданная в начале XX в., утверждала, что «в своей основе это явление не новое, а только приспособленное к современным формам жизни, многовековое стремление рассеянного народа поддерживать свое само-

бытное существование путем самостоятельной организации внутреннего быта и культурных учреждений» [3, стб. 359].

Основная часть. Прообразом национально-персональной автономии для еврейства являлись ваады – центральные советы кагалов, существовавшие в Польше, Литве и Беларуси в XVI–XVIII вв. Кагалы – это органы управления еврейских общин. Они избирались ежегодно, посредством голосования или жребия. Но как отмечал С. Бершадский, в течение всего XVIII в. «кагал вербовался из небольшого круга семей, связанных между собою сознанием своих интересов» [4, с. 16].

Полномочия кагала были достаточно широкими. Он, например, взыскивал в своем округе и вносил в казну государственные подати, делал раскладки на евреев казенных и общественных налогов, заведовал синагогами, кладбищами, а также всеми благотворительными учреждениями, выдавал купчие «крепости» на недвижимое имущество, отвечал за обучение юношества, разбирал тяжбы между членами общины при помощи местных еврейских судей и раввина.

Но бывали случаи, когда местный раввинский суд колебался в применении тех или иных законов или когда недовольные решением суда обращались к другому – высшему суду. Известны факты споров между кагалами. В таких случаях ежегодно устраивались съезды раввинов и старшин общин, игравших роль высших судебных учреждений. Постепенно такие съезды превращались в ежегодно созываемые сеймы (ваады). Существовал, например, «Сейм (Ваад) четырех областей Польши» – Великой Польши, Малой Польши, Подолии и Волыни. Ваад не только разрешал судебные тяжбы и разъяснял законы, но и издавал новые постановления относительно устройства общественного

и духовного быта евреев в разных местностях. Деятельность «Ваада четырех областей» особенно усилилась в XVII в. Кроме того, Великое княжество Литовское имело свой особый ваад, в котором участвовали раввины и кагалные депутаты от пяти главных еврейских общин: Бреста, Гродно, Пинска, Слуцка и Вильно [5, с. 118–119]. Такой вариант автономизма дал право авторам «Еврейской энциклопедии» (т. 5) называть «ваад» автономной организацией, в компетенцию которой входила законодательная, административная, юридическая и духовно-культурная деятельность среди еврейства [6, стб. 195].

Видимо, излишняя самостоятельность и обособленность этой еврейской структуры вызвала недовольство властей Речи Посполитой, где и без того процветала анархия. Поэтому король Август IV в 1764 г. распустил «Ваад четырех областей». Не последнюю роль в этом решении сыграл сейм Речи Посполитой, полагавший, что вводимый подушный налог, в том числе и для евреев, будет более доходным для государственной казны, чем общая сумма, уплачиваемая ваадам от имени всего еврейства. Ведь кагалные старшины могли определенную часть собираемых средств утаивать от государства. Но после разделов Речи Посполитой русские чиновники вернули еврейским общинам полномочия, которые стали даже шире, чем до начала польских реформ [7, с. 437]. Однако о реставрации ваадов речь не шла. Более того, указом Сената России (1786 г.) евреи получали «полное уважение к их вероучению и обрядности», даже разбираться в своих межсубных тяжбах, но не получили согласия на учреждение «еврейских съездов» (ваадов) на территории Беларуси и Украины. Тем не менее после включения белорусских земель в Россию были учреждены губернские и уездные кагалы «с положениями по собственному их выбору» числом еврейских судей, которые разбирали дела евреев между собой [8, с. 119–121, 150].

Однако у российских купцов вскоре возникли определенные опасения, что еврейские торговцы включенных в состав России белорусских и украинских земель, опираясь на разветвленные собственные международные структуры и связи, составят серьезную конкуренцию на просторах империи. Учитывая верноподданнические просьбы и пожелания московских и смоленских купцов, Екатерина II указом от 23 декабря 1791 г. запретила евреям записываться в купеческое сословие российских городов и портов, а разрешила иметь права «гражданства и мещанства» только в городах белорусских губерний и Таврической области. Чуть позже в «черту

оседлости» были включены города некоторых украинских губерний [9, с. 248]. Поначалу сохранялись в качестве официальных учреждений и кагалы. Однако в России они были ликвидированы в 1844 г.

Интенсивное развитие индустриального общества на основе рыночных отношений способствовало, с одной стороны, стремлению к национальной жизни, а с другой – ломке замкнутых национальных перегородок. Подобные процессы не могли не затронуть еврейство, поставленное в ряде стран в положение касты. Но политическая и экономическая элита вынуждена была считаться с серьезными позициями еврейских финансовых кругов во всем мире. Развернувшаяся конкурентная борьба среди предпринимательства приводила к тому, что некоторые группировки были не прочь потеснить еврейский капитал на мировых рынках, не очень стесняясь при этом в выборе средств.

Несмотря на очевидное расслоение еврейства, общее его благосостояние, как и отдельных социальных групп, за исключением немногочисленных люмпенизированных низов, было несравненно выше огромной массы крестьянства и лиц наемного труда, где большую часть составляли белорусы, русские, украинцы. Видимо, поэтому стихийное проявление социального протеста трудящихся приобретало четко выраженную национальную окраску, порой антисемитскую. Вместе с тем различные ограничения, направленные против еврейства, его социальное расслоение приводили многих лиц еврейского происхождения в революционное движение.

Подобные тенденции заставляли все чаще задумываться еврейскую интеллигенцию. Возникла непростая дилемма: сохранить при определенной модернизации общины кастовую обособленность еврейства или постараться легитимно конституировать его в особую экстерриториальную нацию с сохранением еврейских общинных традиций. Многие еврейские теоретики полагали, что для того, чтобы еврейскому народу добиться равенства с другими народами, ему «недостает большинства атрибутов для признания его нацией». «Для признания евреев национальностью им недостает того индивидуального духа, свойственного всем другим нациям, который создается общностью территории», – писал теоретик еврейского территориализма Л. Пинскер [10, с. 10]. Подобная точка зрения привела к возникновению сионизма.

Но существовала и другая точка зрения, которая была связана с экстерриториальным решением еврейской национальной проблемы – созданием еврейских обществ в странах диаспоры

путем достижения национально-персональной автономии. «Государственное признание еврейской нации как особого коллектива, – писал Х. Коробков, – влечет за собой признание необходимости создания еврейского национального Ваада-сейма как органа еврейского национального представительства, опирающегося на местные национальные ячейки – еврейские общины» [11, с. 13]. Так отдельные еврейские деятели под лозунгами учреждения национально-персонального автономизма попытались возродить, разумеется, в модернизированном виде, кагалные традиции, а фактически создать самостоятельные государства в системах национальных государств.

Поэтому не случайно многие еврейские деятели обрушились с критикой на О. Бауэра, отказавшего еврейству в праве на национально-персональную автономию. Австрийский социал-демократ резонно полагал, что нельзя игнорировать ассимиляцию еврейства, впитывавшего в больших масштабах европейскую культуру, сливавшегося с другими европейскими народами [12, с. 389]. Но даже еврейские социалисты не соглашались с таким подходом. Например, лидеры БУНДа, отстаивая укороченный вариант национально-персонального автономизма – культурно-национальную автономию евреев, – также полагали, что в этом учреждении – еврейской общине – можно было бы видеть «не только результат старого, но, с известными оговорками, эмбрион нового» [13, с. 777].

Теоретически идеи национально-персональной автономии могли быть использованы для любой этнической группы из существовавших в России. Не случайно к этим идеям проявляли интерес многие национальные партии. Однако практическое значение национально-персональный автономизм имел прежде всего для еврейства, не имевшего своей территории в России, в то время как ее имели многие этносы необъятной страны.

Заключение. Таким образом, различные варианты национально-персонального автономизма имели историческую основу. Подобные идеи несли в себе, безусловно, демократическое содержание, поскольку, с одной стороны, были направлены против самодержавных порядков и способствовали активизации национальной жизни, росту национального самосознания. Но с другой стороны, наблюдались попытки с помощью подобных идей обособить и разгородить между собой различные этносы, поставить искусственные барьеры между народами вопреки закономерным интеграционным процессам. Эти противоречивые тенденции не исчезли, они сохранились.

Литература

1. Кульчицкий (Мазовецкий), Л. Автономия и федерация в современных конституционных государствах / Л. Кульчицкий (Мазовецкий); пер. с пол. А. Паткина. – М.: Общественная польза, 1907. – 232 с.
2. Лазерсон, М. Я. Автономия и федерация / М. Я. Лазерсон. – Пг.: Книга, 1917. – 52 с.
3. Автономизм // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем: в 16 т. – СПб.: О-во для науч. евр. изд.; Изд-во Брокгауз-Ефрон, Б. г. – Т. 1: А-Алме-мар / под общ. ред. С. М. Дубнова [и др.]. – Стб. 359–362.
4. Бершадский, С. А. Литовские евреи. История их юридического и общественного положения в Литве от Витовта до Люблинской унии. 1388–1569 гг. / С. А. Бершадский. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1883. – 432 с.
5. Дубнов, С. М. Краткая история евреев: в 3 ч. / С. М. Дубнов. – СПб.: Общественная польза, 1911. – Ч. III: Средние века и новое время в Европе. – 160 с.
6. Ваад // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем: в 16 т. – СПб.: О-во для науч. евр. изд.; Изд-во Брокгауз-Ефрон, Б. г. – Т. 5: Брес-сиур-Гадасси / под общ. ред. Л. М. Каценельсона, Д. Г. Гинзбурга. – Стб. 191–197.
7. Эйтингер, Ш. История еврейского народа. Т. 5. Новое время / Ш. Эйтингер. – Тель-Авив, 1967. – 628 с.
8. Голицын, Н. Н. История русского законодательства о евреях. Т. 1. (1649–1825) / Н. Н. Голицын. – СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1886. – 1116 с.
9. Анішчанка, Я. Мяжа яўрэйскай аселасці / Я. Анішчанка // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: ў 6 т. Т. 5 / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 1999. – С. 248.
10. Пинскер, Л. С. «Автоэмансипация!» (призыв русского еврея к своим соплеменникам) / Л. С. Пинскер. – СПб.: Тип. Х. Брауде, 1898. – 42 с.
11. Коробков, Х. Г. Национальные задачи российско-еврейской демократии (к Всероссийскому Еврейскому съезду) / Х. Г. Коробков. – Пг.: Книга, 1917. – 34 с.
12. Бауэр, О. Национальный вопрос и социал-демократия / О. Бауэр. – СПб.: СЕРП, 1909. – 606 с.
13. Медем, Вл. Национальное движение и национальные социалистические партии в России / Вл. Медем // Формы национального движения в современных государствах / под ред. А. Ч. Костелянского. – СПб.: Общественная польза, 1910. – С. 748–798.

Поступила 20.03.2013